

Глядя на текущее состояние Юй Тяо, догадаться о происхождении этих следов было несложно — он оставил их себе сам.

Стоило лишь ненадолго задуматься: Лу Куаньдун отсутствовал меньше двух часов. Юй Тяо же вел затворнический образ жизни и толком ни с кем не общался — какой Альфа стал бы помогать ему сорвать этот приступ? К тому же почти все гости на банкете знали, кому он принадлежит. И всё же обычно хладнокровный Лу Куаньдун позволил секундной вспышке слепой ревности возобладать над разумом.

Юй Тяо смутно помнил лишь то, как кто-то погрузил его в машину. Окна были плотно задраены, отсекая внешний мир. Автомобиль мчался вперед, и сознание Юй Тяо бросало из крайности в крайность: то ему мерещились непроходимые джунгли, то заснеженные вершины. Температура вокруг резко упала; метель ледяными иглами вонзалась в обнаженную кожу, оставляя пылающие багровые пятна. Губы пересохли от палящего жара, мысли путались.

«Не стоило действовать так опрометчиво... Зачем я сбежал оттуда один? Наверное, я замерзну насмерть на этой вершине...»

Прохладные подушечки пальцев медленно скользнули вдоль шрамов на его спине. Раздался голос — знакомый, бесконечно лелеемый в снах, но одновременно чужой:

— С чего вдруг такой порыв?

Еще недавно он вел себя смирно, а стоило лишь ненадолго оставить его в комнате, как наружу вырвалась эта ненасытная похоть. Да еще и сбежал на улицу один.

Словно путник в пустыне, наконец добравшийся до оазиса, Юй Тяо мутным взглядом разомкнул веки. Он вцепился в запястье незнакомца и потянул его на себя, завлекая заблудшего в метели странника в объятия. Его тело казалось холоднее оседающих на плечи снежинок, и прикосновение к этой прохладе принесло долгожданное облегчение.

— Спаси меня... — пролепетал он, моля о помощи. — Мне так плохо...

Незнакомец неторопливо достал флягу и дал ему напиться чистой родниковой воды, набранной в лесной чаще. Юй Тяо жадно припал к источнику, заглатывая драгоценную прохладу. Жидкость струилась по подбородку, сбегая к щекам, мочкам ушей и подбираясь к чувствительному загривку.

Немного восстановив силы, Юй Тяо попытался подняться, чтобы найти опору.

Но крепкая хватка тут же сомкнулась на его щиколотке, удерживая на месте.

— Откуда на тебе запах другого Альфы? — прозвучал ледяной вопрос. — Кто еще помогал тебе... кроме меня?

В этой бескрайней снежной пустыне не было ни души. Юй Тяо, тщетно звавший на помощь все это время, лишь отчаянно замотал головой:

— Никого... Только ты... Только ты один...

— Вот и отлично.

Порывы ледяного ветра заставили его зажмуриться, из уголков глаз покатались слезы. Юй Тяо почувствовал, как его приподнимают. Внезапно все вокруг содрогнулось. Голос его совсем осип, но он попытался предупредить спутника — этот гул походил на надвигающуюся лавину. Однако старые травмы, полученные при подъеме, отозвались острой болью, пронизывающей каждый нерв при малейшем движении.

— Юй Тяо, не смей так смотреть на меня.

«Нет, что-то не так... Этот голос...»

Прежде чем он успел осознать происходящее, с вершины устремился сокрушительный снегопад. Нет, это было скорее похоже на тропический лес, скрытый за заснеженным хребтом: налетевший шквал пригнал дождевые тучи, пропитанные густым, пьянящим ароматом распускающихся бутонов.

Камни и сучья тяжелой массой обрушились на Юй Тяо. Мечась в панике, он пытался вырваться из-под завала.

Человек, подаривший ему оазис, склонился к самому уху и произнес:

— Запомни. Твой спаситель — я.

«Мой спаситель? За всю мою жизнь был лишь один человек, который спас меня... Так кто же передо мной?»

В ту ночь Лу Куаньдун не хотел задумываться, почему, едва получив известие, он не раздумывая отказался от поездки в больницу и почувствовал искреннее облегчение, когда нашел Юй Тяо.

А у Юй Тяо не осталось сил размышлять, наяву ли всё происходит или в бреду, отчаянная ли это тоска по прошлому или разительное сходство.

Оба отбросили разум, позволив чувствам взять верх.

— Эротическая течка?

— Именно. Впрочем, можно назвать это и псевдотечкой.

В прошлый раз Юй Тяо отправил Хэ Люмину странное сообщение и пропал, а в последние два дня так и не явился на плановый осмотр. Число пациентов, пострадавших от бракованных подавителей компании «Дуань», росло с каждым днем, и на следующей неделе Хэ Люмина отправляли в командировку для помощи коллегам. Не в силах выбросить из головы мысли о больном, он решил позвонить сам. Однако на звонок ответил посторонний мужской голос. У Хэ Люмина нервно задергалось веко, и вскоре он уже стоял на пороге особняка семьи Лу.

С первой же минуты Лу Куаньдун встретил его в штывы: тяжелый, ледяной взгляд полоснул врача, словно лезвие. Он принялся допрашивать Хэ Люмина — кем тот приходится Юй Тяо, как давно они знакомы, где он работает, — будто проводил дознание.

— Это врожденная патология, которая чаще всего встречается у Бета-особей. Излечить ее можно только хирургическим путем, — терпеливо объяснял Хэ Люмин. — Симптомы вы видели сами. Из-за неспособности воспринимать феромоны больному приходится либо глушить приступы медикаментозно, либо переносить их на сухую. На приеме Юй Тяо упоминал, что в старшей школе ему уже делали операцию, но она окончилась неудачей.

Лу Куаньдун хмурился. Услышав это, он отвернулся и посмотрел на лежащего на кровати Юй Тяо — на воспаленную, припухшую железу на его загривке. Он знал, что Юй Тяо перенес операцию, но тот ни разу не обмолвился, что она прошла неудачно.

— И из-за этой неудачи у него вот так, без всякой причины, начинается течка? — Лу Куаньдун медленно смежил веки, пытаясь снять усталость от бессонной ночи. — Раньше с ним такого не случалось.

— Скорее всего, после хирургического вмешательства за ним хорошо ухаживали. Причин для рецидива множество, и эмоциональное состояние играет далеко не последнюю роль, — вздохнул Хэ Люмин. — В отличие от здоровых Бет, его железа — не просто рудимент, она требует трепетного отношения. Грубо говоря, если обычный Бета повредит железу, это всё равно что ссадина на колене: обработал — и забыл. Но любые осложнения с железой Юй Тяо могут стоять ему жизни.

Раздался тихий стук, и в комнату, почтительно наклонив голову, вошел дворецкий. На его руках были надеты одноразовые перчатки.

— Молодой господин, это нашли в мусорной корзине его комнаты.

Лу Куаньдун кивнул:

— Покажите врачу.

— Что это? — Хэ Люмин принял сверток и прищурился, разбирая надписи на упаковках. — Пластыри-блокаторы... Подавители...

Врач тяжело вздохнул и покачал головой, убирая руки в карманы белого халата.

— Значит, он прекрасно знал о своем состоянии. Господин Лу, веруя в то, что вы его супруг, неужели вы не замечали, насколько наплевательски он относится к собственному здоровью? Я неоднократно твердил ему, что болезни нельзя давать ход, но он так и не явился на повторный осмотр.

Прислуга, застывшая у стены, замерла, не смея перевести дыхание. Служанка, что недавно пролила горячий суп на ноги Юй Тяо, едва заметно усмехнулась, уткнувшись взглядом в носки своих туфель. «Обычный заменитель... С чего бы хозяину так пекься о нем?» — подумала она.

Лу Куаньдун долго хранил молчание, сжимая в ладони горячие пальцы Юй Тяо. Наконец он спросил:

— Если подобный приступ повторится... что я должен делать?

— Обеспечьте ему чувство безопасности. В его состоянии приступы мало чем отличаются от точки Омеги, у него даже проявится инстинкт гнездования, — понимая, что вникать в тонкости собеседник не станет, Хэ Люмин выразился предельно доходчиво: — Давай ему всё, чего он потребует, и удовлетворяй его сексуальное влечение.

Лу Куаньдун поднял глаза, в которых приглушенным янтарным светом отражался блик лампы:

— А если между нами нет чувств?

— Зачем тогда вообще было жениться?! — Хэ Люмин опешил. — Да заведите вы кошку, и то привяжетесь! Если он обращается к вам, значит, нуждается именно в вас.

— Разве для этого не подойдет абсолютно любой Альфа? — с холодной усмешкой бросил Лу Куаньдун.

— Да даже у Альф и Омег есть совместимость феромонов! — Хэ Люмин едва не задохнулся от

возмущения; в этот момент ему безумно хотелось, чтобы абсолютно каждый человек на планете прошел хотя бы базовый курс медицины. — Юй Тяо — живой человек! Он может терпеть голод и жажду, но у него есть право осознанного выбора! Теперь вам понятно?!

Иными словами, Бета с подобным диагнозом испытывает влечение только к тому, к кому испытывает искреннюю тягу. Он может не осознавать этого разумом, но животные инстинкты не обмануть.

— И еще одно, — добавил врач. — Раньше я не говорил Юй Тяо, поскольку не был уверен. Но теперь... Господин Лу, состояние вашего супруга вполне может оказаться последствием неудачной операции, запустившим вторичную дифференциацию. Я настоятельно рекомендую привезти его в клинику на подробное обследование. В прошлый раз он меня не послушал.

Лу Куаньдун нахмурился:

— Вторичная дифференциация?

— Именно. К этому нужно отнестись со всей серьезностью. Но сперва обсудите всё с ним: готов ли он стать Омегой. Если да, потребуется длительный курс стимулирующих инъекций, приема препаратов, а затем — операция по содействию дифференциации. Это отличается от его прошлых процедур: досаживать железу не придется, так что риска отторжения нет — его собственная железа уже сформировалась, и шанс неудачи минимален. Вот только процесс лечения крайне болезненный. Если же он не захочет проходить через эти мучения, просто удовлетворяйте его потребности, как я уже говорил.

— Превращение в Омегу поможет ему? — уточнил Лу Куаньдун.

— Разумеется! Чрезмерно частые приступы и непрерывные вспышки похоти истощат его организм!

—...

— Судя по всему, у вас высокая совместимость феромонов. Временная метка подарит Юй Тяо чувство защищенности, да и вы будете спокойнее, — искренне давал советы Хэ Люмин.

Знай врач о том, что брак Лу Куаньдуна и Юй Тяо держится лишь на сухом фиктивном соглашении, он наверняка пожалел бы о каждом сказанном слове. В свое время Лу Куаньдун искал в супруги именно Бету только потому, что Бета не способна к деторождению, а значит — никаких неприятных сюрпризов.

— Уже поздно, — Лу Куаньдун бережно укрыл руку Юй Тяо одеялом. — Проводите гостя.

Не ощутив ни капли гостеприимства, Хэ Люмин и сам не горел желанием оставаться.

Подхватив саквояж, он бросил напоследок, что с ним можно связаться в любой момент, и вышел за дверь, не оглядываясь.

Наскоро умывшись, Лу Куаньдун лег рядом с Юй Тяо. Посреди ночи его окончательно разбудил пышущий от партнера зной — впрочем, нормальный сон всё равно не шел. Наморщив лоб от досады, Лу Куаньдун поднялся, откинул одеяло и сгреб Юй Тяо в объятия.

Когда он выпускал феромоны, его собственное тело становилось прохладным. Сгорающий в бреду Юй Тяо, не разжимая веки, всем телом прильнул к Лу Куаньдуну и жалобно забормотал:

— Горячо... Мне так плохо...

В коридоре дежурило несколько слуг-Бет — Лу Куаньдун заранее приказал им быть наготове. В комнату внесли тазы с ледяной водой. Прислуга сменила охлаждающий компресс на лбу Юй Тяо раза три или четыре, протерла спиртом его руки, шею и голени, после чего влила жаропонижающее. Лишь тогда лихорадка немного отступила.

В этот момент вернулся шофер. На улице незаметно пошел дождь, и плечи его пиджака успели намокнуть. Получив молчаливое разрешение господина, он вошел в спальню:

— Вот записи с камер наблюдения. Как вы и приказывали, оригиналы с фрагментами, где господин пребывал в одиночестве, уничтожены. Это единственная копия.

Шофер замялся и слегка прокашлялся:

— Молодой господин... После того как вы оставили его в гостевой комнате, он...

Лу Куаньдун мгновенно уловил намек.

— Ты смотрел? — раздался его низкий, опасный голос.

— Нет! Как только я понял, что происходит что-то не то, сразу же выключил! — поспешно заверещал водитель.

— Хорошо, — Лу Куаньдун повел пальцем. — Оставь флешку. Все свободны.

Убавив звук до минимума, Лу Куаньдун с бесстрастным лицом просмотрел видеозапись от начала до конца.

Лишь когда экран угас, он медленно пришел в себя. В его голове, подобно навязчивой идее, крутилось одно-единственное слово: «Метка».

Эта мысль посещала его и раньше — например, во время прошлого периода восприимчивости.

Как и всегда, надев намордник-блокиратор, он отправился в бар «Филинг», чтобы найти подходящего Омегу, способного утихомирить безумный шторм феромонов. Период восприимчивости у Лу Куаньдуна случался редко, но протекал крайне агрессивно.

Прежде он легко справлялся с этим, но в тот раз всё пошло иначе. Феромоны омеги, витавшие вокруг него, вызвали у него лишь глубокое отвращение — возможно, из-за низкой совместимости. Найти Омегу с совместимостью выше восьмидесяти процентов для Лу Куаньдуна было почти невыполнимой задачей.

В итоге, находясь в полубессознательном состоянии, он вернулся домой. Юй Тяо беспокойно метался во сне. Сквозь туман лихорадки Лу Куаньдуну слышалось, как тот шепчет чье-то мужское имя — разобрать точнее не удалось.

Долго сдерживаемая похоть вырвалась наружу с сокрушительной силой. Жар периода восприимчивости окончательно лишил его рассудка — ведь человек бессилен перед эндорфиновым взрывом и животной страстью. Разбудив Юй Тяо, Лу Куаньдун впился зубами в его белоснежный загривок.

С того дня в душе Лу Куаньдуна пустило корни и проросло злое семя. Всепоглощающее чувство собственности исказило его восприятие: «Почему он не Омега? Почему я не могу поставить метку?»

И еще: если Юй Тяо был готов заслонить его от ножа... неужели в его сердце тоже есть хоть капля чувств?

Подобные мысли были совершенно несвойственны Лу Куаньдуну, и сам он не сразу осознал этот сдвиг. Лишь на следующее утро, почувствовав обжигающий жар тела Юй Тяо и увидав багровые следы, оставленные им самим на чужой коже, Лу Куаньдун опомнился.

Он понял, что больше не сможет относиться к Юй Тяо так, как прежде.

Но с чего бы? Так быть не должно. Наспех одевшись, Лу Куаньдун спешно покинул спальню, оставив Юй Тяо в полном одиночестве.